

Лена Тулинова

БЮРО

волшебных находок

Лена Тулинова

Бюро волшебных находок

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Бюро волшебных находок / Л. Тулинова — «Автор», 2026

Флавия Кловер перестала сиять. Для фей это огромная проблема! Ведь она лишилась не только света, но и обаяния, и работы, и даже бывшего партнёра. Что ж, волей-неволей пришлось начать с нового листа! Найти новую работу, новые отношения и новый смысл жизни, чтобы засиять так, чтобы кое-кто пожалел о том, что бросил Флавию? С этим она, пожалуй, справится. Но может быть, работая в Бюро волшебных находок, она сама станет чьей-то невероятной находкой? Не исключено! Тем более, в бюро есть кандидаты. Осталось только выбрать!

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Бюро волшебных находок

ГЛАВА 1. Мокрая фея

Весенний день щедро поливал дождём стройную фигурку в розовом плаще. Из прорезей на спине плаща торчали хрупкие стрекозиные крылышки, на которых капли начинали светиться и переливаться всеми оттенками волшебства. Но хозяйка крыльев не обращала на это чудо никакого внимания, а только быстро шла посреди тротуара, одинокая, с напряжёнными плечами, и несла в руках размокшую картонную коробку. В ней лежали немудрящие пожитки из офиса: большая кружка с надписью «самая красивая фея отдела», упаковка одноразовых носовых платков, кружевная салфеточка, ваза и лязгающий зубами хищный цветок в глиняном горшке. Последний сурово поглядывал по сторонам, явно ища, кого бы покусать, и иногда ловил ужасающе клыкастой пастью дождевые капли. Тем не менее, на тонкие пальцы феи, сжимавшие край коробки в непосредственной близости, растение не реагировало и откусить их не пыталось.

– Ну и – подумаешь! – ворчала фея, тщетно пытаясь сдуть с лица прилипшие мокрые пряди светлых волос. – Они ещё пожалеют! И ты в частности пожалеешь, Остин Торт!

При упоминании имени хищный цветок лязгнул зубами особенно яростно.

– Ничего, Нельтон, – ласково сказала ему фея. – Они все пожалеют, что уволили нас. А мы с тобой не пропадём. А кстати, где это мы?

Всё дело в том, что феи редко покидают Золотую Рошу – район города Рименгара, где всё в прямом смысле растёт, цветёт и пахнет. Там растительные дома, и там живут нимфы, феи, музы и дриады. Райское местечко, если б не сатиры. Так вот, эта фея редко высывала нос за пределы квартала, и если б её сегодня не уволили, она не пошла бы пешком и не сбилась бы с пути в районе Кукушника, где далеко небезопасно бродить таким, как она.

– Похоже, мы перешли границу Золотой Роши, Нельтон, – сказала фея цветку. – Ну ничего, немного прогуляемся... тебе полезна дождевая вода. Идём, где-то тут должна быть остановка кэбов, сядем и вернёмся домой.

Она шла, выпрямив спину, и на углу Вопросительной улицы с Кошачьим переулком запнулась о какой-то странный предмет. Он лежал посреди улицы, поливаемый дождём, и только где-то вдалеке шумели проезжающие машины, а мимо пробегали, укрыв головы легкой мысленной голубой ветровкой, две лопоухие девчушки. Увидев предмет – похожий на кожаный мешок огромных размеров, набитый явно чем-то жестким – девочки остановились попинать его ногами в резиновых сапожках. Кожаный мешок разинул немаленький рот и огрызнулся такими острыми и длинными зубами, что плотоядный цветок по имени Нельтон завистливо всплеснул листками. Девчушки отпрыгнули.

– О, гляди, какой-то каменный тролль потерял свою сумку, – хихикнула одна из них.

– Да, – поддакнула вторая, – теперь сумка запросто может откусить руку тому, кто туда полезет.

– Пойдите, – окликнула их фея. – Ведь это же опасная заколдованная сумка тролля! Если кто-нибудь попробует вытащить из неё ценности, она откусит руку. Куда же её девать?

– Да вон туда, – девочки указали на витрину в доме через дорогу. – Видите? Там бюро волшебных находок.

– Поможете? – спросила фея.

– Неа, – сказала одна из лопоухих девчушек, по виду постарше своей подружки. Было ей, наверное, лет десять. – Сумки троллей кусаются.

– Хотя вам не привыкать, если у вас цветок-химера, – сказала вторая, помладше.

– Ну тогда хотя бы позовите кого-нибудь из этого бюро, а я тут покараулю, – предложила фея.

Она встала под защиту козырька над крыльцом какого-то маленького кафе. За широким светлым окном было видно, как внутри сидят и смотрят на дождь самые разные существа. Люди и эльфы, дриады и сатиры, гномы и полуростки. Между прочим, ни одного каменного тролля! Хотя разве такие громадины туда влезут?

Очень скоро девочки вернулись вместе с крепким мужчиной в рыжем прорезиненном плаще с капюшоном. При себе у него была тачка, в которую мужчина сноровисто погрузил тролльскую сумку, не забыв завязать ей пасть верёвкой. Девочки, хихикая, убежали, а промокшей и озябшей фее оставалось разве что продолжить свой путь, но тут мужчина сказал:

– Ну что же вы стоите? Хотите промокнуть насквозь?

– А что, у вас есть варианты? – из вежливости стараясь не слишком громко стучать зубами, проговорила фея.

– Идёмте со мной, я вам хотя бы чаю налью, – мужчина взялся за рукоятки тачки и стал её толкать через дорогу, а фея поспешила за ним. – Не могу же я бросить фею в беде, – добавил он и вдруг резко притормозил, слегка при этом толкая фею боком.

И вовремя! Мимо пронёсся резвый магомобиль, разбрызгивая воду из луж и выдувая из труб радужный пар.

– Глаза протри! – крикнул мужчина ему вслед. – Здесь знак перехода!

Никто из магомобилия ничего не ответил. Дорога была свободна, ни лошадей, ни мобилей – можно было спокойно переходить. Мужчина распахнул дверь бюро, оттуда повеяло теплом.

Под оранжевым дождевиком оказался человек лет сорока, коротко стриженный, не слишком гладко выбритый и очень недурно сложенный. Фея хлюпнула носом и посмотрела на своего спасителя примерно так же, как смотрят бездомные собачки на тех, кто вытаскивает их из луж. Мужчина задвинул тачку с тролльей сумкой в угол под разлапистую вешалку с кучей плащей и пальто и стащил с рельефного тела вязаный свитер, сам оставшись только в белой майке. Мужчина в самом деле был неплох. Раньше она не задумывалась, нравятся ли ей люди, но этот, с тёмными волосами и выразительными глазами, ей определённо пришёлся по душе.

Фея шмыгнула носом уже более заинтересованно и сняла насквозь промокший белорозовый плащик.

– О, – выдохнул мужчина, – у вас и платье, это... с разрезом.

– Конечно, ведь я же фея, – простучала зубами она. – Стойте-стойте, не надо резать ваш свитер. Он достаточно широкий, можно надеть и так.

– Страшно повредить ваши крылья, – сказал он.

– Не бойтесь, – фея повернулась к нему спиной. – Если их чуть-чуть примять, они не пострадают.

Мужчина натянул свитер на дрожащую мокрую фею и, отойдя на шаг, полюбовался делом своих рук.

– Флавия Кlover, – сказала она.

– У вас губы синие, – сказал мужчина. – Ой, то есть Робин Трелль.

– А у вас красивое имя... – дрожа, сказала Флавия.

– Я сейчас поставлю чайник.

И исчез. Флавия, постепенно согреваясь, прошла по помещению. Бюро волшебных находок представляло собой довольно обширный и весьма захламлённый вещами холл, стойку, отгораживающую место для администратора, и множество полок и ящиков за ней. Стена за стойкой не была глухой, там находилось две двери (за одной как раз и пропал симпатичный мужчина по имени Робин).

Ещё тут была простая деревянная лавка, пара небольших круглых столиков на вычурных ножках, словно в кафетериях на краю Золотой Роши, ну вот прямо точь-в-точь. И, конечно, всякие ящики, коробки и сундуки.

Но главным украшением этого затейливого и хаотичного места была винтовая лестница в дальнем углу, лестница, которая вела на галерею, охватывавшую три стены из четырёх – кроме той, где были входная дверь и два окна-витрины. И видно было, что на втором этаже больший порядок, чем на первом. И пара дверей там виднелась. Но во всём этом бюро, кроме Робина, Флавия Кlover ещё никого не видела...

Ровно до той поры, пока один из ящиков не задёргался, зашевелился и не распахнул картонные створки. Наружу брызнул целый ворох цветных искр, а затем выскочил низенький человечек с копной взъерошенных волос. У него было круглое добродушное лицо и довольно большие для его роста руки.

– Ага! – вскричал он при виде феи. – Дайте-ка угадаю, вы ищете зонтик? Не отвечайте. У меня дедуктивные способности.

Флавия вздрогнула и оглянулась в поисках путей отступления.

– Я...

– Не отвечайте, – человечек выкарабкался из коробки и встал напротив феи, сунув руки в карманы.

Каким-то образом он так задрал подбородок, что ей показалось, что на неё смотрят свысока. Хотя это и было очень странно, ведь коротышка ростом был ниже феи головы на две или даже больше! То есть макушка его не дотягивала ей и до плеча.

– Итак, вы мокры, как мышь после душа, с ног и платья течёт, и плащ ваш висит вон там, тоже мокрый. Впустил вас, конечно, Робин-на-все-руки, кто же ещё? На вас же его свитер! Впустил, а сам пошёл за чаем.

– Всё верно, – сказала Флавия.

– А пришли вы без зонтика! Всё потому, что ваш зонтик потерялся на той неделе и стоит вон там, в стойке. Зелёный, с ромашками. Да? Да?

– Н-нет, – Флавии было очень жаль огорчать коротышку.

– А! Тогда вы – принесли находку. Вот тот жуткий цветочек с зубами, химеру Нельтона.

– Это и правда химера Нельтона, – сказала Флавия, – но это мой собственный питомец.

– Но Робин вас выпустил и дал вам свой свитер, это очевидно, – очень раздражённо бросил коротышка. – И у вас наверняка цветочное имя. Или древесное, как у всех дриад.

– Меня зовут Флавия Кlover. Я не дриада, а фея, но и среди нас не редкость растительные имена и фамилии.

– Хм, хм. А моё имя можете угадать? – спросил коротышка.

– Конечно. Вас зовут Пип Липкая лапа, – спокойно ответила Флавия и, видя, как вытянулось у полуростка лицо, добавила, – у вас на груди табличка. Ещё там сказано, что вы курьер, а не детектив.

– Лучше бы меня взяли в детективное агентство, – вырвалось у полуростка. – Здесь работают лишь неудачники.

– Работают? – ухватила за главное слово фея. – Мне как раз не помешает работа.

ГЛАВА 2. Бюро волшебных находок

– Итак, расскажите-ка мне, чем вы тут занимаетесь, – сказала Флавия Кlover.

Выпив чаю и съев пару пирожных, она заметно повеселела. Согрелась и стала способна на волшебство, как это заведено у фей. Мокрые волосы высохли, стали золотистыми и слегка волнистыми, лицо зарумянилось. Крылышки принялись отбрасывать радужные блики, а кожа как будто засияла. Подумать только, он всего пятнадцать минут назад впервые прикоснулся к крыльям феи, а теперь поит её чаем. Что на это сказала бы Мэвис?

Магия феи подействовала и на одежду: от её платья сначала пошёл пар, а затем оно высохло. Флавия вернула Робину одолженный им свитер. С трудом подавляя желание прижаться к ещё тёплой шерсти щекой, мужчина сложил свитер и сунул на полку под вешалкой. Всё равно, пока ходил заваривать чай, успел надеть фланелевую рубашку в клетку.

– Бюро волшебных находок – это муниципальная лавочка, – охотно пояснил он. – Жалование у нас зависит от мэра, но те, кто сюда приходит за потерянными вещами, обычно не жадничают с чаевыми. А ещё мы раз в месяц распродаём находки, за которыми никто не приходил больше полугода.

– И ещё мы снимаем проклятия, – вставил Пип. – Тоже за отдельную плату. Так что здесь есть на чём подзаработать.

– А кто же этим занимается? Проклятиями, в смысле, – спросила Флавия.

– Либо сам шеф, либо какая-нибудь из его ведьм. Но сейчас ни одной ведьмы у нас нет, а шеф под домашним арестом за гм... – Пип переглянулся с Робин.

– Ведьм шеф обычно очень любит, а его жена не любит, когда он любит кого-то, кроме неё, – намекнул Робин так, чтобы не сказать невзначай чего лишнего, потому что сам шеф много чего не любил, например, когда про него сплетничают. – Но это вам вряд ли интересно, Флавия. Расскажите, куда вы шли под таким дождём?

Она посмотрела на коробку с нехитрыми офисными пожитками, которая всё ещё стояла на стойке администратора. Ясные голубые глаза сразу стали серыми, золото волос потускнело, а радужные блики на крылышках погасли.

– Меня уволили, – сказала фея грустно. – Я стала чаще и больше тускнеть, от меня болеют растения, а для нашего заведения это просто беда. От тускнеющих фей прокисает нектар, опадает золотая листва и вянут цветы. Они становятся ни на что не годными – сияние ценный товар, а без него, сами понимаете...

– И часто фей вот так увольняют? – спросил Робин.

Не так уж много он слышал об обитателях района Золотой Роши. Чем они там занимаются, как живут, что делают?

– Феи могут сиять вечно. Обычно, когда фея подходит к возрастной черте вроде моей, у неё уже есть муж, дети, и это тоже источник сияния. Даже можно сдавать излишки в городскую казну: на освещение улиц, на праздничные иллюминации, к примеру. А я...

Она окончательно скисла. Крылышки поникли, и Робину стало очень жаль, что свет погас. Это было красиво.

– Ну ничего, ничего. Оставайтесь тут, нам ужасно нужен администратор и специалист по проклятиям, – предложил Пип.

– Ты здесь только курьер, – одёрнул его Робин. – Не тебе решать, а шефу.

– Но если я не буду сиять... – начала фея.

– Никому не будет до этого дела, – заверил её Робин.

– Правда-правда! Нектара мы не держим, а чай не прокисает... кажется, – сказал Пип. – Что до шефа, он, мне кажется, обрадуется. Не знаю, какая там у вас «возрастная черта», но вы чертовски очаровательная фея, даже когда не светитесь.

– Это такая неприкрытая лесть, что даже приятно, – сказала Флавия. – А можно я сегодня тут немножечко осмотрюсь? Когда ваш начальник появится, я уже смогу решить, работать здесь или нет.

Ну да, фее только разреши «осмотреться»! Уже через десять минут она сновала туда-сюда с ведром и тряпкой, а у Робина устала шея, так часто приходилось крутить головой, наблюдая, как она суетится. Так что он, немного подумав, отправился писать объявление о том, что найдена тролльская сумка. Тролли обычно неграмотны, но у Робина ещё оставались чернила-кричалки. Смотришь на надпись, и она начинает выкрикивать: «Найдена! Сумка! С неизвестным содержимым! Кусается! Отдадим только хозяину!»

Пип вызвался наклеить объявления на ближайшие столбы. Вернулся не очень скоро, и почти не промокший. Очевидно, просидел половину этого времени в каком-нибудь кафе!

Когда дождь кончился и тучи разошлись, солнце уже клонилось к западной границе Рименгара, а в бюро царил почти идеальный порядок. Скоро пора будет закрываться. Из-за сырости и ветра посетителей почти не было, лишь две дриады пришли забрать потерянный ими в кэбе мешок каких-то особенно дорогих им семян.

Но уже под закрытие пришла некая гномка, и с порога стало понятно: будет скандалить. Не потому, что есть ради чего, а так, из любви к искусству.

Её добротное платье с фартуком, широкий жёлтый плащ и огромные зелёные резиновые сапоги выдавали в даме любительницу гулять. Или работать в саду. В любую погоду, не сдаваясь никаким ураганам, грозам и оползням.

– Где моя Вавочка?! – зарычала тётка, не замечая ни Робина, ни Пипа, а сразу устремляясь к стойке, за которой наводила порядок фея.

Флавия распрямилась и с улыбкой вытерла рукой пот на лице.

– Здравствуйте, – выдохнула она счастливо.

Румяные щёки, блестящие глаза и чуть светящиеся светлые волосы могли очаровать кого угодно, но почему-то ничуть не тронули эту тётку. Кажется, то была самая чёрствая из всех гномов. Её короткая курчавая бородка воинственно встопорщилась, когда тётка посмотрела фее в ясные голубые глаза.

– Я пришла за Вавочкой! – рыкнула гномка так страшно, что со стены упала картинка с фиалками.

– Дайте догадаюсь: вы потеряли собачку, – ввинтился между тёткой и стойкой бесстрашный полуросток. – Вот только животные к нам сегодня не поступали.

– Какую собачку! Сказано вам: Вавочка! – гномка перешла на крик. – Вы что? Украли у меня подарок моего жениха?!

Голос у неё был мощный. Робин уже собрался нажать на кнопку срочного вызова шефа, потому что только тот решал, что делать с буянами, но тут нежный и милый голосок феи внезапно перекрыл вопли гномки.

– Простите, барышня! – сказала Флавия, и все стихли. – Можно вопрос? Вавочка – это вещь?

– Да! И ваша глупая контора дала объявление, что нашла её. Это моя новая сумочка...

– Стойте-стойте, ничего не говорите, – Пип, которого бюст гномки вдавил в стойку, немножко отодвинул даму от себя. – Ваш жених – тролль?

– Да как вам не стыдно не знать?! Конечно, он каменный тролль, и это лучший жених во всей Каменюке. Мы – самая богатая пара Рименгара! О нас пишут в газетах!

Робин выволок «сумочку» на середину зала. Завязанное верёвочкой, заговоренной от покусов, имущество гномки безмолствовало.

– За что вы её так? – безголосо просипела очаровательная невеста. – Мою любимку, мою Вавоньку!

– Это чтобы она не скушала тут лишнего, а то начала бы страдать несварением, – нашлась Флавия. – Скажите, пожалуйста, милая барышня из Каменюки, а где можно почитать о вашей счастливой истории любви?

– Во всех газетах! – отрезала суровая гномка.

– А книга будет? Может быть, вы когда-нибудь её напишете и выпустите в свет? – невинно хлопая ресницами, спросила Флавия.

Гномка задумалась.

– Вполне возможно, – ответила она нехотя. – Но пока мне некогда.

Она схватила троллю кошёлку за верёвочку. А та вдруг развязалась. Разумеется, это была магическая верёвочка, которой управлять мог тот, кто завязал узел. Кто б это мог быть? Конечно, кое-кто, у кого было прозвище «На-все-руки»!

Тролля торба слегка зарычала и сделала угрожающий выпад. Робин смотрел с удовольствием. И Пип смотрел. А вот фея зажмурилась. Сумка гонялась за гномкой из угла в угол, страшно скрежеща зубами. Дама уже потеряла всякую спесь и верещала тоненько: «Ай-ай!»

– Это не ваша сумочка Вавочка, – покатываясь со смеху, выдавил полурослик. – Ваша не стала бы вас кусать.

– И в газетах писали, что та гномка вчера вышла замуж за тролля, – добавил Робин. – На что вы рассчитывали?

– На то, что ваш глупый курьер доставит её мне на тачке, – завопила красная от натуги гномка, вскакивая на подоконник, где сумка не могла её достать. – А дома я бы уж как-нибудь её вскрыла!

– О, да вы мошенница, – наконец дошло и до Флавии. – Как же я сразу не сообразила?

– В волшебном лесу нет мошенников? – сердито огрызнулась гномка.

– Эээ, да вы впрямь нашли мой кошелёк, – раздалось от порога.

Тролля в бюро не помещался, он был выше этого. Если тролли не горбятся, то это добрых пять меров! Но он всунулся примерно по плечи и зажёб рукой сумку вместе с гномкой.

– Спасибо вам, милая дама, – проворковал он.

Милая дама схватила ближайший зонтик и бесстрашно огрела тролля по носу, после чего вывернулась из его лапищи и выставила оружие перед собой.

– Ах, какая женщина, – вздохнул тролль и убрался восвояси.

Гномка выскочила из дверей бюро и куда-то весьма резво поскакала по лужам. Зонтик она забрала с собой – очевидно, как военный трофей. Хорошо, что это был самый обычный зонт! Робин покосился на стойку, где стояло несколько магических экземпляров. Тут был испорченный зонтик, под которым, стоило его раскрыть, шёл то дождь, то снег. Был так-себе-зонтик, заколдованный, чтобы предсказывать погоду, но срок предсказания был неопределённый, от двух недель до одного часа. И другие волшебные находки... А этот, обыкновенный, как серая действительность, просто кто-то из посетителей забыл в углу, и всё.

После визита гномки на полу и местами на мебели остались полосатые следы резиновых сапог и куча сваленных на пол мелочей.

– Вот поэтому у нас обычно и не прибрано, – заявил Пип.

– Да это ладно, а вот как подобная пара могла пожениться? – удивлённо хлопая ресницами, спросила фея. – Гномка же чуть выше полуростка, а в этом тролле мера четыре, если не больше.

– Одному создателю ведомо, – хмыкнул Робин. – Ну что, придёте завтра?

– Я подумаю, – сказала Флавия, собирая свои пожитки в сухую коробку, выданную ей курьером.

Пип и Робин переглянулись. Хорошо бы, если б эта очаровательная женщина надумала здесь работать! Всё веселее, когда за конторкой стоит не ведьма, а фея.

ГЛАВА 3. Флавия знакомится с шефом

Положа руку на сердце, ещё вечером того дня Флавия понятия не имела, что завтра отправится на работу в Бюро волшебных находок. Она ведь даже в глаза не видела этого их шефа, который, очевидно, являлся колдуном и был охоч до женского пола.

Но Золотая Роща, куда фея доехала уже на ночь глядя, казалась теперь такой скучной, даже унылой! К тому же на столе в домике Флавии Кlover ждало письмо. В нём бывший начальник и бывший же любовник Остин Торт сообщал, что ей назначено выходное пособие в полсотни хнагов (то есть почти ничего) и что он, между прочим, собирается жениться на

какой-то нимфе. В конверте, кроме этой записки, лежали чек и приглашение на свадьбу. Дата – через неделю. А это значило, что Остин ещё до разрыва с Флавией ухаживал за другой и планировал с нею свадьбу, а фея была лишь его развлечением в офисе. Или даже «черновиком», после которого мужчина собирался жениться и жить «начисто».

Расстроено скормив всё, кроме чека, Нельтону, Флавия немного поплакала и легла спать в полной темноте. У неё осталось так мало сияния, что нечем было запитать светильники. И дерево, в стволе которого находился её домик, наверняка померкнет тоже... Если фея, живущая рядом с деревом, унывает, дерево начинает чахнуть. Его листва теряет золотистый оттенок, ствол темнеет, оно даже может умереть. Придётся завтра вызвать дриаду, чтобы полечила ни в чём не повинное растение...

– И заодно пускай на тебя посмотрит, – сказала фея цветку-химере, – а то мало ли, вдруг ты отравишься этим гадким приглашением!

Уснула Флавия с трудом: очень мешали всякие мысли. Понятно, что она думала совсем не о бюро. Тем не менее на рассвете, когда нежно-розовое солнце нехотя начало подниматься над горизонтом, на ветке у самого окошка чирикнула механическая птичка. Она принесла в лапке записку, свёрнутую трубочкой. Флавия впустила птичку и услышала металлический голосок: «Флавии от Робина!»

Ох, письмо от Робина! От мужчины, который был с нею так мил, кто поделился свитером и налил горячего чая... Того, в чьём присутствии Флавия вдруг почувствовала себя легкой и живой, и даже снова начала стабильно светиться.

Ну и пусть это человек с едва заметными зачатками магии, пусть ему уже, судя по всему, лет сорок, а для людей это, кажется, чуть ли не старость... Пусть у него усталое лицо и морщинки около глаз. Зато он оказался душевным человеком, а не таким негодяем, как Торт. Самодовольный полусатир с козлиными ушами, тощей бородёнкой и мерзкими короткими рожками! Три года он водил Флавию за нос! Три года она верила его сладким речам! Вот зря скормила Нельтону приглашение. А то ведь можно прийти на свадьбу и...

Флавия слегка вздрогнула, заметив, как всё вокруг потемнело. Ещё не хватало наградить кого-нибудь проклятием и превратиться в злую ведьму.

Нет уж, ведьмы живут в районах, известных как Гулявка и Валявка, носят черные плащи и фиолетовые остроконечные шляпы и ведут себя вызывающе. Флавия сомневалась, что такая шляпа её украсит, а чёрный и фиолетовый цвета вообще не любила.

Птичка чирикнула снова. Ах да, записка! Флавия развернула туго свёрнутый рулончик из тонкой бумаги. «Доброе утро, Флавия! – было мелко, но аккуратно выведено там. – Не знаю, зайдёшь ли ты сегодня в бюро, вдруг ещё не решила! Но надеюсь, что мы можем иногда переписываться. Робин Трель».

На ответ Флавии понадобилось не больше тридцати секунд.

«Конечно, я зайду в бюро! Почему нет? Но предупреждаю сразу: к отношениям пока не готова! Флавия Кlover».

Птичка выпорхнула в окно, а фея закружилась по своему домику. Умываться, завтракать, одеваться, причёсываться. Когда она погляделась в зеркало перед выходом, удивилась тому, что вся светится ровным, хотя и слабым светом.

Город Рименгар сегодня, в солнечный весенний денёк, так и сиял. Сверкали ещё непросохшие лужи, сверкали дождевики на траве газонов, струи только что включенных фонтанов, стекла домов. Хотелось впитать в себя как можно больше этого света. Энергия, которая питала целые кварталы и районы, бесплатно лилась с неба. Но использовать её в чистом виде умели разве что сильфы. Золотая Роща собирала энергию по крупницам в накопители. А у муз и фей свет был другой природы, эмоциональной, но для накопителей тоже вполне годился. Флавия уже целый год ощущала себя перегорающей лампочкой, которая мерцает и работает всё хуже. А

тут вдруг откуда-то силы взялись. Попадись ей сейчас тот самый Торт, она бы даже не стала на него смотреть. Куда как лучше любоваться своим отражением в витринах магазинов и ловить восхищённые взгляды мужчин.

Один из них был особенно любезен и подал руку, когда фея выходила из кэба, на котором проехала несколько остановок. Потом он же отворил перед Флавией дверь бюро волшебных находок. Фея взглядела в лицо – нет, это был не Робин, Робина она бы узнала. Это был совершенно незнакомый мужчина, возможно, с примесью эльфийских кровей. И одет он был очень уж вычурно: в клетчатые брюки, шёлковую рубашку и вышитый жилет, а сверху расстёгнутое пальто верблюжьей шерсти, слишком тёплое для такой погоды, зато наверняка уж модное.

Волосы у него были светлые и волнистые, над верхней губой красовались какие-то не слишком основательные усишки, а тонкий нос казался ненастоящим. И ещё фее почудилось, что у мужчины как будто слегка подкрашены его зеленоватые глаза. Или это у него свои ресницы такие длинные и чёрные? Да и брови тоже тёмные, чёткие. Очень странный тип, решила для себя Флавия. Красивый? Возможно. Только не понять, какого он возраста и происхождения. И чего желает, тоже сложно определить.

Но тут откуда-то появились Пип и Робин. Они поклонились этому мужчине, будто два болванчика, и сказали:

– Доброе утро, шеф!

– Здравствуйте, – суховато сказал тип с усишками и тут же сменил тон на довольно-таки приторный. – Смотрите-ка, ещё не открылись, а к вам уже такую прекрасную фею принесло. Вы ведь за находками, прелестнейшая в целом мире фея?

– Не угадали, – Флавия постаралась улыбнуться как можно тоныше и скромнее. – Я, скорее, сама для вас находка. Буду у вас работать.

– Вот так сюрприз, вот так находка, – удивился шеф. – Но не припоминаю, чтобы нанимал вас или хотя бы приглашал.

– Судьбу не согласишь, так говорят, – сказала Флавия. – Вчерашний дождь, любезность вашего персонала, и, разумеется, полный беспорядок, который я вчера попыталась устранить... И вот я здесь. Меня зовут Флавия Кlover, кстати, будем знакомы.

– Так вы хотите... Уборщицей? С вашей-то внешностью? Милая Флавия, что же вы так себя не цените? – лощёный типчик всплеснул руками. – Ох, позвольте, от изумления с меня всю вежливость как ветром снесло. Меня зовут Юлиус Лумпердинк.

– Очень приятно. Простите, не успела подготовить резюме, но я не уборщица, – сказала фея. – Хотя надо признаться, что порядок наводить – это моё хобби. Я могу быть вашим администратором, а ещё я умею снимать проклятия.

– О, – обрадовался Юлиус. – Это очень кстати! Буду рад, если вы наведёте порядок в нашей холостяцкой жизни.

Робин с Пипом переглянулись и дружно кашлянули.

– Уверен, мы поладим, – не обращая на них внимания, Юлиус припал губами к руке Флавии.

Он очень старался произвести впечатление – даже чересчур. Ни Робин, ни Пип Липкая лапа не пытались быть милыми, они просто были. К тому же про них-то фея не слышала «он любит фей, а его жена не любит, когда он кого-то любит помимо неё». Так стоит ли устраиваться в контору, где постоянно будут преследовать эти липкие взгляды и двусмысленные фразочки?

А, была не была. Всё-таки шеф – это не главное в коллективе, с ним приходится общаться не так уж много. Так решила Флавия, посмотрев на Робина. Вот с кем ей хотелось проводить побольше времени... Как с другом, разумеется. «Мы же с тобой помним, Нельтон: Остин должен пожалеть, а мы с тобой должны расцвести! Так что пока сосредоточимся на карьере, а мальчишки потом!»

Заметив её внимание, Робин улыбнулся. Флавия отвела взгляд и тихо вздохнула.

– Я тоже думаю, что мы поладим. Вашему коллективу явно не хватает женской руки, – сказала она.

Шеф тут же распустил воображаемый павлиний хвост, сделал грудь колесом и подкрутил усишки.

– Позвольте я ознакомлю вас с архивом, делами по проклятию, делами по поиску хозяев наиболее ценных вещей и вообще введу... Введу вас в курс всего, во что необходимо. Идёмте, Флавия! Я покажу вам всё.

ГЛАВА 4. Проклятые носки для Робина

Пип Липкая лапа проводил шефа и фею задумчивым взглядом, пока они поднимались по лестнице на галерею второго этажа. А когда Лумпердинк заботливо отворил перед Флавией дверь одного из подсобных помещений, ткнул Робина локтем.

– Видал, как он сразу расцвёл?

– Она его отошьёт, – сказал Робин.

– Шефа-то? Тогда он начнёт её околдовывать. Думаешь, надо было её предупредить?

– Сдаётся мне, она и сама справится, – ответил Робин.

– Трелль, – шеф вернулся к перилам галереи и слегка даже свесился вниз, игриво задрав назад одну ножку.

Экий балерун... Робин раздражённо посмотрел на экзерсисы шефа и спросил:

– Что?

– Ничего! Мне никто не звонил?

– А должны?

– Не знаю. Слушай, найди какую-нибудь проклятую штуку в кладовке. Я хочу проверить, как фея справится с заданием!

– Посложнее или попроще? – тут же встрял Пип.

– А ты иди по адресам с доставкой крупногабаритных находок, – сказал шеф. – И не забудь довести бревно до Роши.

– Как я потащу это клятое бревно? – тут же взвился полуросток.

– Это белая древесина, она легчайшая, как пух.

– Но бревно как четыре полуростка в обхвате и длиной с десять высоких полуростков, – горестно сказал Пип.

– Я могу уменьшить, – вызвалась Флавия, выходя из подсобки и тоже свешиваясь через перила. – А если хотите, покажу, как проще всего делать доставку в Рошу. Если только это не камни. Камни не пройдут.

– Осторожнее, госпожа Кlover, не перетрудитесь, у меня на вас ещё виды, – проворковал шеф, и Робину захотелось швырнуть легчайшую белую древесину в его маслянистую физиономию.

Желание было не вполне характерным для миролюбивого Трелля, но вот что-то захотелось, аж зачесались руки. Остановило его разве что опасение зацепить и Флавию.

Впрочем, она уже перемахнула через перила, чтобы спорхнуть со второго этажа на крыльях. Увы, эффектного приземления не вышло из-за упомянутого бревна – Пип выволок его на середину зала как раз под ноги Флавии. Робин едва успел подхватить фею, пока она не упала.

– Ой, прости, – сказала она и слегка порозовела.

– Ничего, – ответил Робин, с неохотой отпуская приятное на ощупь, тёплое и упругое тело.

В её глазах сияли серебро и жемчуг, и немного бирюзы. Она смотрела не отрываясь, с полуулыбкой на губах.

– Трелль, тащи проклятие, – приказал шеф. – Нам же надо испытать новенькую!

– Справишься с ним? – спросил Робин, кивая на бревно, но имея в виду, конечно, назойливого, будто муха, полуэльфа.

Она поняла – улыбка стала шире.

– Конечно, справлюсь, – ответила вполголоса.

Когда Робин выбрал в кладовке «штукенцию» и вынес наружу, бревно было уже уменьшено до размера карандаша и перевязано тонкой розовой ленточкой. Ни дать ни взять, подарок для какой-нибудь дриадки.

– Развяжешь бантик – бревно увеличится, – предупредила Флавия. – Поэтому лучше сначала его положить на землю.

– Ума не приложу, как эти ваши дриады теряют всякое, – проворчал Пип. – То огромный пакет семян, то бревно...

– Они и целое дерево потерять могут, между прочим, – весело засмеялась фея. – Дриады рассеянные и думают очень медленно. У них, пока они до нынешнего момента дойдут, в голове вся жизнь проходит – а это несколько десятков, а то и сотен лет. Это вам не эльфы, которые всё помнят.

– Эльфы не злопамятны, – быстро вставил шеф Лумпердинк. – Впрочем, мы и добро не особо запоминаем. Мы просто... фиксируем факты в памяти. Трелль, ну что ты притащил? Давай что поэстетичней!

Робин пожал плечами: какая разница, с чего проклятие снимать? Он выбрал несложное и неопасное, а эстетика...

– Это новые носки, не ношенные. К тому же подозреваю, что потеряли их нарочно. Если Флавия их расколдует, я себе заберу, – сказал Робин. – Да и проклятие интересное! Когда их берут, всё нормально, но стоит положить на полку, как они жутко тяжелеют.

– Ещё чего, почему это ты их заберёшь, – вмешался Пип, – их ещё продать можно, они новые. Вон как бантиком перевязаны!

– Лапы убери, – предупредил Робин. – Это я повязал. Иначе они оживут и расползутся!

– Вы все заклятия и проклятия узлами обезвреживаете? – спросила Флавия с улыбкой.

– Это самый надёжный способ, мои узлы так просто не развязывают, – кивнул Робин. – К тому же маг я так себе, больше привык работать руками. И узлы – то небольшое, что удаётся из магического.

– Иногда работать мозгами тоже полезно, – вставил полуросток.

– Ты почему ещё здесь, Липкая лапа? – спросил шеф.

– Исчезаю, исчезаю! – сказал Пип и, подхватив бревно-карандаш, шмыгнул в приоткрытую дверь.

В окно было видно, как полуросток прицепился к задку проезжавшего по улице дилижанса, запряжённого резвыми заигруньями. Эти шестиногие гибкие животные со звонкими копытцами были быстры и неумоимы, а повозки несли с радостью. Только держись! Пип держался, и понятно было, за что он получил меткое прозвище.

– Трелль, вон с глаз моих, – шикнул шеф. – Займись починкой стеллажа в кладовой, там четыре полки треснуло.

– Это от носков, – сказал Робин и, подхватив ящик с инструментами, пошёл чинить полки.

Носки он положил не на стойку, а на пол за нею, у ног феи, потому что тогда и стойку пришлось бы ремонтировать.

– Прости за выбор, Флавия, – сказал он фее. – Думаю, кому-то эти носки достались в дар, но он не выдержал этакой красоты и подкинул их нам. И заодно проклял. Лучше не дарить магам носки, если они только сами не попросят.

– Я запомню, – сказала Флавия серьёзно. – А, вижу, это случайное проклятие. То есть маг всего лишь сказал пару слов об этой обновке, а не проклял по-настоящему!

Некоторое время обстановка в бюро была довольно напряжённой. Лумпердинк нервно сновал из угла в угол, Робин стучал молотком в кладовке, Флавия снимала проклятие. В промежутках между постукиванием слышалось то потрескивание маленьких молний, то шуршание обёртки. Робин пару раз высунулся из кладовки, но ничего страшного не происходило.

– Носки готовы, – в конце концов разрядила обстановку Флавия, поднимаясь из-за стойки и кладя носки на стойку. – Проклятие обезврежено, носки теперь легче лёгкого, только... Робин, ты точно хочешь их носить?

– А что такое? – спросил Трелль.

– Они теперь меняют цвет и пахнут фиалками, – сказала фея. – Похоже, такими они задумывались до проклятия.

– Хм, – Робин посмотрел на носки, которые теперь переливались всеми оттенками розового, лазоревого и зеленого. – Чёрными они нравились мне больше. Не исключено, что маг выкинул носки после попыток изменить цвет и запах, а тяжёлыми их сделали эти попытки.

– Нет, тяжесть была от слов «чтоб вы стали тяжёлыми как моя жизнь», а цвет и аромат просто были перекрыты проклятием, – сказала Флавия.

– Ну, выброси их вон в тот мусорный бак, если никто не против, – шеф пошевелил пальцами в направлении небольшого служебного помещения за стойкой. – Вряд ли на них кто позарится.

Робину показалось, что носки против. Возможно даже, это именно они шуршали теперь в баке. Но, скорее всего, показалось.

ГЛАВА 5. Новые задачи для феи

Дерево, в котором жила Флавия Кlover, зацветало нынче неохотно и позже остальных. Но за несколько дней, пока фея обживалась на новой работе, оно немножко воспряло. Как раз настолько, чтобы подружка-дриада, заглянувшая с утра на чашечку нектара с цветочным молочком, спросила:

– Тебе что, так нравится работать среди людей? В этом ужасном Кукушнике?

– Кукушник не ужасный, это хороший район, если сравнивать с Валявкой, – рассеянно ответила Флавия, поглядывая в окошко.

– А люди все миленькие пупсики, ага, – язвительно сказала дриада. – Даже Остин Торт.

– Он наполовину сатир, – сказала фея.

Напоминание о Торте тут же пригасило сияние её волос. Остин благополучно женился и думать забыл о Флавии, а она пока не забыла. Он был такой милый! Он так красиво ухаживал! И все говорили: странная пара, странная, но красивая... Нет-нет, нельзя возникнуть новому служебному роману. Пусть Робин остаётся на некоторой дистанции, так будет лучше.

Но где же утреннее письмо от него?

– Послушай, Беркана, у тебя ещё остались те удобрения, что подходят для плотоядных цветов? – спросила Флавия, решая немного сменить тему. – Нельтон без меня скучает, немного зачах. Хочу его немножко задобрить.

– Бери его с собой на работу, и все дела, – посоветовала дриада. – Если тебе там веселее, чем дома, то и ему, наверно, будет нелишним сменить обстановку. Заодно и охранять тебя будет.

– Это мысль, – Флавия вновь посмотрела на окно.

– Ой, что это? – прошептала вдруг Беркана и поперхнулась цветочным молочком.

Магомеханическая птичка села на подоконник с той стороны и раскрыла металлический клювик, издавая мелодичную трель. На её шее висел пакетик.

– У тебя железка за окном! Какой ужас!

– Это не ужас, – Флавия открыла окно, и птичка влетела, оглашая комнату весёлой, пусть и несколько беспорядочной, трелью. – Это моё утреннее письмо.

Она развернула маленький исписанный листок и прочитала послание Робина. «Просто желаю тебе доброго утра! Пусть сегодня у тебя будет много хороших моментов и поводов сиять. Подумал, что уже привык каждый день видеть блики света на твоих крыльях. Робин».

– Ого, – заметила дриада, – да ты светишься, как юная влюблённая фея.

– Глупости, – отмахнулась Флавия, – это всего лишь порция любезностей поутру от моего сослуживца. Я не собираюсь опять влипнуть в серьёзные отношения, да и...

– Ну влипни в несерьёзные, – посоветовала Беркана. – Тот, кто заставляет фею светиться от пары любезных слов, заслуживает маленькой награды.

– Не хочу, – нахмурилась Флавия. – Я ещё не отошла от прежних...

– Что ты ему ответишь? – с любопытством перебила дриада.

– Как всегда, – пожала плечами фея, – пожелаю доброго утра в ответ.

– Напиши, что тебе по душе его комплименты, он наверняка только этого и ждёт, – сказала дриада.

– А кто только что говорил, что люди и их район ужасны? – шутливо спросила Флавия.

– Ну так я про работу! Работать с людьми и на людей небось та ещё пакость! Но романтические отношения – это же совсем другое, – хихикнула Беркана. – Расскажи, он красавчик?

Но Флавия взглянула на часы и вздохнула:

– Мне пора собираться.

– Ты кошмарная зануда. Зануднее старого дубового пня. Я буду звать тебя Флавия Дубовый пень, а не Кlover.

Обзываясь и хихикая, Беркана упорхнула из домика в дереве, а Флавия, вместо того, чтобы одеваться, взяла чистый листок из блокнота, купленного в городе, и написала: «Яркого света, мой друг Робин. Спасибо, что написал. Это озарило моё утро! Флавия».

Птичка дала положить записку в пакетик на шею. Флавия добавила несколько лепестков с ветки своего дерева – цветы на нём были мелкие, золотистые и очень ароматные. Вот почти как у липы, только запах отличался и был ещё мягче и нежнее. Флавия впервые решила отправить с запиской что-то такое... очень личное, как эти лепестки. Но Робин каждое утро так старался написать что-нибудь приятное, такое, отчего у феи хотя бы несколько часов продолжалось ровное сияние! Так почему бы не сделать хотя бы маленький ответный жест?

Механическая птичка упорхнула, звеня крылышками, а фея поскорее оделась и заторопилась на утренний дилижанс.

Нынче шеф был очень уж деятельный и беспокойный. Он то и дело притаскивал в зал какие-то коробки и ящики, азартно рылся в них, что-то перекладывал туда и сюда. Из одного целой стайкой вылетели разномастные часы и принялись кружить по бюро, тикая наперебой. Иногда они открывали крышечки и издавали мелодичные трели.

– О, Флавия, доброе утро, я как раз очень нуждаюсь в вашей милой компании, – как всегда, Юлиус Лумпердинк говорил так, словно на что-то намекал. – Что тут у вас, это находка?

– Нет, это мой питомец Нельтон, он скучает без меня, и я решила, что ему не вредно сменить обстановку, – сказала фея, ловя часы одни за другими в коробку.

– Ого... хорошенький, – с сомнением сказал шеф, протянул руку к Нельтону и тут же отдернул, так как цветок-химера лязгнул челюстями. – Так, слушайте, Флавия, сегодня будет сложный день: Пип весь в доставках, а Робина я определяю на подготовку к распродаже! Там уйму всего надо починить... По дальнотону звонили уже два раза, хотя мы ещё не открылись. Я не записал, но вкратце...

Фея подошла к своей конторке и пощёлкала пальцем над пером и чернильницей. Перо стало записывать сбивчивую речь шефа, пока Флавия снимала плащ и надевала фартук и нарукавники. Если Юлиус ничего не перепутал (а он мог), то по одному звонку надо было создать

заявку на оставленный накануне в магомобиле артефакт, а по второму – снять проклятие с ранее поступившей в бюро потеряшки.

– А что за потеряшка-то? – спросила Флавия, заглядывая в записи через минуту.

– О! – шеф потёр подбородок и задумчиво пощипал ус, но не вспомнил. – Какая-то потеряшка... Помню, что проклятие как-то связано с изображениями. То ли там привидения в саванах, то ли ещё что-то. Возможно, я уже откладывал эту вещь, чтобы не потерять. Но, кажется, всё-таки потерял!

– А какой артефакт ищут? – с надеждой спросила фея, вдруг хоть тут попроще будет.

– Вот это помню точно: заколдованная вставная челюсть-самокусь.

Флавия рассмеялась.

– Как же такое произошло, что кто-то оставил такую челюсть в наёмном магомобиле? – спросила она.

– Ну он вроде ночью ехал, может, спать хотел, почём я знаю? Этот всё равно сказал, что вечером заедет, он дневного света не выносит. Может, к тому времени и челюсть уже принесут.

Фея кивнула и пошла искать в кладовке «что-то, связанное с изображениями». Потом поднялась на галерею, чтобы заглянуть в хранилище, и столкнулась там с Робинем, который, вооружившись инструментами, чинил огромный сундук.

Он снял рубашку и орудовал в одной тонкой майке, и мышцы так и переливались под чуть смугловатой кожей. Смутное желание провести по спине пальцами одолело Флавию, едва она переступила порог. Она и руку протянула, но отдернула. Словно отвечая на это мимолётное движение, Робин распрямился и обернулся. Его лицо озарилось отражённым от Флавии светом, даже тёмно-карие глаза заметно посветлели.

– Привет, – сказал он. – Тебя шеф работой загрузил?

– По самые уши, – ответила фея, – причём сам не знает, что надо искать. Поможешь?

– Искать то, не знаю что – моё любимое занятие, – серьёзно сказал Робин.

– Трелль! Что ты возишься? Сундук должен быть готов через полчаса! Я ушёл по делам, вернусь – чтобы работали тут как проклятые! – заверещал откуда-то Лумпердинк.

– Да, хозяин, – подобострастно сказал Робин, и они с Флавией захихикали, как дети, которые сообща придумали шалость. – Вряд ли он вернётся через полчаса, – доверительно сообщил мужчина. – Можем попить чаю.

– Чаю мне пока не хочется, – осторожно пресекла попытку сближения фея. – Поможешь найти нечто с изображениями? Это как-то связано с проклятием, которое надо снять. И больше я ничего не знаю. Если бы шеф хотя бы записал имя клиента и номер его дальнотона, я хотя бы уточнила...

– Зато мы можем поискать вместе, – ободрил её Робин, и они принялись шарить по полкам.

Надо сказать, это было увлекательно и чуточку неловко. Иногда их руки соприкасались. У Робина были очень... мужские руки. Кожа чуть загорелая, ногти коротко остриженные, но заметно было, что мужчина любит чистоту. И пальцы длинные, красивые. Флавия поняла, что часто отвлекается и глазееет, и поспешила переместиться к другой полке. Стало только хуже: теперь глазел Робин, всё время оборачивался и смотрел, эти взгляды Флавия чувствовала спиной и тем, что ниже...

Лучше бы чаю попили. С чаем хотя бы всё ясно.

ГЛАВА 6. Робин Трелль и проклятое фото

Робину показалось, что фея сама не заметила, как снова начала сиять. Таким лёгким, ровным светом... и пылинки, пляшущие в лучах от её крылышек, казались Робину звёздами. Хотелось провести рукой по волосам феи, задеть шею, будто невзначай, а потом... Кхм, нет,

она же чётко дала понять, что не хочет никаких «потом». Однако и держать дистанцию было сложно. Робин тихо вздохнул. Он не любил, когда сложно.

Флавия краснела, отходила подальше, но всё напрасно: взгляд Робина всё равно устремлялся к ней. Да и она поглядывала украдкой... В кладовке становилось всё труднее находиться вдвоём, просто опасно. Вот-вот вспыхнут какие-нибудь картонки!

От накаляющейся обстановки в хранилище их спас Пип Липкая лапа.

Он пришёл.

И пришёл явно не в духе. Пнул дверь, ругнулся, протопал по первому этажу так, словно весил больше себя раз в десять.

– Что за день? – воскликнул полуросток. – О, Нельтон! Привет, старина. Сейчас я налью тебе стаканчик-другой знаменитого гномьего эля.

– Лучше мне налей, – откликнулся Робин из кладовки.

– Эй, – Флавия поспешила слететь со второго этажа и преградить Пипу дорогу. – Не спаивай моего питомца! И вообще никого не спаивай на службе, это нехорошо!

– У меня есть повод, – заупрямился Пип. – Меня сейчас так оскорбили!

– А что случилось? – поинтересовалась фея.

– Меня обвинили в краже, – страшным голосом поведал полуросток. – Меня! Без пяти минут детектива! Обвинили в краже вампирского гроба, а я его даже в глаза не видел!

– Вампира или гроба? – поинтересовался сверху Робин.

– Обоих! Но вампир обвинил меня из подвала. Он там сидит и не может разъезжать на своём гробе на колёсиках, потому что его украли!

– А как ты там оказался, это же Валявки, – присвистнул Робин. – Я бы ни за что не пошёл туда один. Там если не ведьма, так вампир, если не вампир, так ещё какая-нибудь жуткость.

– Да там какой-то странный вызов, – буркнул Пип. – Просили привезти потерянный набор для вязания, но, когда я приехал, в этом доме никого не было. И оставить было негде, пришлось тащить всё обратно.

И он выложил на стойку спицы и несколько клубков, уложенные в небольшую корзинку без крышки. От корзинки веяло волшебством, но не сильно: должно быть, простое какое-нибудь заклинание, вроде счёта петель или незапутывание нити.

– Ну так расследуй это дело, – посоветовала фея. – Это ведь как раз по тебе!

– А работать кто будет? – завопил Пип оскорблённо.

– Шеф опять усвистал, – поведал Робин. – Для него «полчаса» – понятие, растяжимое когда на полдня, а когда и на сутки.

– Но я всё-таки поищу этот таинственный проклятый предмет «с изображением», – сказала Флавия.

– Ни с места, – заявил Пип. – Я тебе помогу, а ты за это поможешь мне.

И убежал к Робину на второй этаж, где вскоре раздались скрип, грохот, шелест и тому подобные звуки раскопок в кладовой. Судя по мерному стуку молотка, Робин Трелль тут же вернулся к своей первоначальной задаче. Сверху сыпалась пыль и падали мелкие бумажки, так что Флавии пришлось поколдовать над веником и совком, чтобы своевременно собирали мусор.

Пип спустился с победным видом. В одной руке он тащил картину. Под мышкой держал кожаный кофр. Другой рукой полуросток прижимал к груди несколько рулонов бумаги.

– Изображения, – объявил он. – Я выбрал только те, которые с проклятиями. Вот эта картина с девочкой пугала постояльцев отеля. Её нарочно потеряли! Ну, проклятие не снимаемое, покупать никто не решается. Потом афиши. На них плюнула глазливая ведьма, после чего прима столичного театра стала очень... страшенькая.

– Ничего, что афиши свёрнуты? Вдруг бедная актриса тоже... – забеспокоилась за незнакому даму Флавия.

– Нет, проклятие проявляется только если порисовать на лице, – сказал полурослик. – С этих афиш Лумпердинк стёр, что мог, но лучше не пытаться улучшить дальше и ни в коем случае не подрисовывать актрисе усы или очки. Иии... В общем, моя дедукция подсказывает, что из всего этого хлама скорее всего заберут вот это. А картину и плакаты я принёс на всякий случай.

«Вот это» оказалось магофотом. Компактной, ещё довольно новой фотокамерой.

– О, а я как-то и не подумал про него, – удивился Робин, спускаясь вслед за Пипом. – А ведь и правда, его принесли сюда совсем недавно. И он действительно проклят.

– А что с этим фотом не так? – спросила Флавия.

– Гляди, – сказал Пип, вытащил магофот из кофра и навёл объектив на Робина и стоящий рядом с ним цветок.

– Это не опасно? – тут же забеспокоилась за Нельтона фея.

Трелль не подумал, что она может волноваться и за неё – в самом деле, зачем переживать. Проклятие магофота было не опасным, они с Пипом уже проверяли.

– Нет, просто немного жутко... и забавно, – заверил её полуросток.

Он щёлкнул кнопкой камеры, и та тихо зажужжала, готовя снимок.

Флавия осторожно взяла ещё тёплое фото и ахнула. Бюро на нём преобразилось: оно было мрачным, с глубокими чёрными тенями. Отовсюду тянулись клочья паутины. Вместо Робина на фото был жуткий призрак с провалами на месте рта и глаз. Нельтон же превратился в высохший зубастый олов.

Цветок-химера отмер первым: взглянул на снимок и сожрал его.

– Улика уничтожена, – довольно захихикал Пип и дал Нельтону хлопнуть его по растопыренной пятерне.

– Когда это вы успели подружиться? – удивилась Флавия.

– А, неважно, – заюлил полуросток. – Ну что? Справишься с проклятием?

Когда вернулся шеф (а было это уже сильно после обеда), Робин разбирался со скрипучей дверью в его кабинет. Сундук давно был починен, Флавия заканчивала возиться с проклятием магофота, а Пип дремал на сложенных в стопку картонных коробках.

– Это что ещё такое? – рявкнул шеф на полуростка.

– Это я, Пип Липкая лапа, лежу и думаю, – пояснил Пип, открывая глаза. – Простите, шеф. Надо обмозговать одно дело, пока меня не упекли за то, чего я не совершал.

– А чего ты не совершал? – спросил Юлиус.

– Не крал гроб на колёсиках, – ответил полуросток хмуро, вставая с коробок. – И вообще ничего никогда не крал.

– Так. Как дела с проклятием? – спросил шеф.

– Сейчас проверим, – фея навела на Лумпердинка объектив магофота, и шеф сразу же приосанился, подкрутил усишки и принял эффектную позу.

Робин и Пип сразу же сунулись посмотреть, что получилось на снимке.

– Миленько, – сказал Робин не вполне уверенно. – Да, в этом что-то есть.

– По крайней мере, теперь это уже не привидения на жутком фоне, – добавил полуросток. И даже Нельтон кивнул зубастым соцветием.

Но шеф порвал снимок и швырнул в мусорную корзину.

– Между прочим, несколько дней назад кто-то видел выползающие из бюро разноцветные носки, – буркнул он. – Они просочились под дверь и были таковы! Вы не умеете снимать проклятия, милая и прелестная Флавия. Вы просто меняете одно на другое, более сносное. Носки стали лёгкими, но зато ожили и уползли. Магофот стал менять чёрный фон на розовенький, а саван на миленькие платица с кружевами, но фото всё равно недостоверное. Придётся...

Он посмотрел на девушку с некоторым сомнением. Что и говорить, за последние дни в бюро прибавилось порядка и уюта. Тут стало чище и светлее. И на звонки теперь было кому отвечать, и клиентских скандалов поубавилось.

– Придётся повысить её в должности, а на проклятия взять кого-то ещё, – подсказал Робин.

– Скорее всего! Мне ведь некогда самому заниматься проклятиями. Придётся нанять для этого очередную ведьму, – сказал шеф, пожевал губами и добавил, – каргу старую, чтобы моя жёнушка не сердилась.

Пип и Робин переглянулись.

– Вы ведь не против, если проклятиями будет заниматься кто-то другой, моя очаровательная фея? – сменил тон Лумпердинк.

– Если только не за счёт моего жалованья, – ответила Флавия.

Робин с досадой отметил, что она улыбается шефу. Лумпердинк забрал у неё магофот и при этом коснулся руки Флавии, погладил свободным пальцем запястье. И она при этом не отодвинулась и не нахмурилась, хоть и не засияла.

– О, а вон и клиент за фотокамерой пришёл, – сказал Пип.

– Положи магофот в пакет, – Юлиус тут же сунул камеру полуростку, – а вы, Флавия, проведите оплату и отметьте получение хозяином потерянной вещи.

– Претензий не будет? – спросил Пип, наводя магофот на Робина и щёлкая кнопкой.

Из фота медленно вышла фотография Трелля. Он стоял на фоне цветущих садов и улыбался, а на голове мужчины красовались нежно-розовые локоны. Вместо потёртых парусиновых штанов и синего свитера на нём было голубое воздушное платьице.

Однако молодой человек, пришедший за магофотом, вприщур посмотрел на снимок и сказал, что его всё устраивает.

– Куда лучше, чем было, – сказал он. – Девушка получилась очень милая.

– Постойте, – окликнула Флавия, – у вас близорукость? Почему вы не носите очки?

– А я их потерял, – сказал молодой человек. – Пока ехал сюда! Вот вам десять хнагов за работу и пять сверху.

– Это пятьдесят хнагов, – Флавия вернула вторую купюру и получила взамен другую, помельче. – А это десять...

– Ну, всё равно, берите-берите. Если вдруг на улице найдутся мои очки, – молодой человек положил на конторку визитную карточку, – звоните в похоронное бюро.

– Какой ужас, вы ещё и при смерти? – ухмыльнулся полуросток.

Робин отвесил ему лёгкий предупредительный подзатыльник.

– Нет, я сейчас там работаю, делаю им рекламные брошюрки. С этим магофотом всё будет идеально, – тут парень обнял камеру и ушёл.

– Ну... если он будет фотографировать гробы, то они точно будут очень красивые, – сказала Флавия неуверенно. – С прошлым вариантом проклятия похоронное бюро наверняка выглядело... не очень.

– Всё, работаем, работаем! Вставную челюсть-самокусь никто ещё не приносил? – спросил шеф.

– Нет, хозяин, – угодливо сказал Пип, и все хихикнули.

– Я сейчас буду звонить вампиру, который её ищет, – сообщила фея, – чтобы пока не приезжал.

– Завтра придёт ведьма, снимать проклятия. Встретить честь по чести. Меня с утра не будет, – предупредил Юлиус и, надев шляпу, ушёл.

Для него рабочий день кончился.

– Что делаешь после работы? – спросил Робин Флавию.

– Обычно после работы я болтаю с подругами на вершине какого-нибудь дерева, – сказала она. – Или просто сплю.

– Хочешь, поужинаем где-нибудь вместе?

Но она не хотела. Отвела взгляд, потускнела и покачала головой.

– Прости, – сказала тихо. – У меня были очень сложные отношения. И для новых я пока не гожусь.

– Знаешь, что я думаю? – сказал проницательный Пип, когда фея ушла. – Найти бы того, кто её так обидел. Дать Нельтону его покусать, потом засунуть ему куда поглубже вампирскую челюсть-самокус, положить его в гроб на колёсиках и поставить всё это в каких-нибудь трущобах, где страсть как не любят вампиров.

– Этот гроб и эту челюсть ещё найти надо, – задумчиво сказал Робин, – однако ход твоих мыслей мне нравится.

ГЛАВА 7. Флавия плачет

Было самое обычное утро в Бюро волшебных находок. Обитатели конторы готовились к завтрашней распродаже.

Флавия говорила по дальнотону, убеждая очередного вампира из Валявок потерпеть, пока ищут его вещи. Это был уже третий случай за последние пару дней, когда предметы пропадали именно у вампиров.

Шеф Лумпердинк суеился за пятерых, но ничего не делал. Пип собирал и сортировал всяческий хлам, при этом вслух сам с собой обсуждая «вампирский вопрос». То и дело слышалось «но каковы мотивы? И почему вампиры не почуяли чужака?» Робин возился с объявлениями – время от времени чернила-кричалки начинали наперебой зачитывать разные слова и отрывки, вызывая у всех смех. Наверху в отдельном кабинете ругалась старая ведьма Бу, которую привёл шеф. Ведьма разбиралась с проклятиями по-своему, очень азартно: слышались и гром, и треск, и шорохи разные, но всё перекрывали вопли «да чтоб ты треснула, проклятая штуковина!»

Под этот мирный утренний шум двери бюро распахнулись, и внутрь вползла элегантная молодая дама-полузмея. Нагайна! Флавия вспомнила, что сегодня с утра нашла в ящике для ночных находок небольшую коробку, в которой лежали три яйца. А змеи ведь любят яйца! Куда Робин их спрятал? Вдруг они привлекли эту змеищу, и та их украдёт, чтобы съесть?

– Здравые, – поприветствовал нагайну Робин.

О, это была эффектная женщина! То есть наполовину женщина. Вторая половина была упакована в кожаный чехол с золотистой металлической чешуёй, чтобы не портить настоящие чешуйки, слишком нежные для здешних мостовых.

– Добрый день, – произнесла Флавия. – Вы, наверное, что-нибудь потеряли?

Полузмея зашипела, тряся погремушкой на кончике хвоста. Та была украшена золотыми колечками. Строгая блузка и белый пиджак с огромной брошью как-то даже терялись на фоне остального великолепия.

– Робин, иди чини велокат, или его завтра опять не купят, с такими-то колёсами, – шикнул на сотрудников шеф. – Флавия, прелесть моя, а вы, пожалуйста, наведите хотя бы подобие порядка!

– Минутку, – Флавия положила трубку дальнотона и принялась колдовать над веником и тряпкой, чтобы смахнули отовсюду пыль.

Сегодня она была особенно не в духе, и потому пыль сметалась особенно рьяно, и веник чуть ли не ломался от усердия.

Просто... Был день свадьбы Остина Торга. С утра Флавия получила с механической синичкой милую записку от Робина. Но потом, почти сразу за синичкой, прилетел упитанный

голубь, нагадил на подоконник и принёс напоминание, что Остин ждёт свою бывшую на свадьбу.

И сиять расхотелось. Может быть, вообще навсегда. Правда, когда ты больше ничего и не умеешь, то перестать сиять значит перестать быть. Но если нет повода излучать свет? Некому и незачем?

Флавия старалась гнать прочь угрюмые мысли, но чувствовала, что над нею вот-вот соберётся серое облачко. И будет заслонять солнце, превращать улыбки в уныло поджатые губы, гасить всё хорошее и поглощать всё светлое. Поэтому взяла швабру и атаковала ступеньки на галерею, раз уж магические способы не приносили никакого утешения.

– Итак, дражайшая леди Айша, – проворковал Юлиус, делая вид, что в офисе всё нормально и даже хорошо, – пройдёте в мой запасной кабинет, для этого нам не придётся подниматься по ступенькам...

Он явно был смущён.

– О, Юлиус, в память о наших сладчайших часах наслаждения, – сложив руки на груди, сказала нагайна, – вы можете забрать себе всё вплоть до последней золотой чешуйки, только найдите мою кладку.

– Ох, так это ваша кладка, – огорчённо воскликнула Флавия, только что подозревавшая нагайну, что та слопает яйца. – Простите. Я отнесла их в кухню.

– Как в кухню?! – закричала нагайна.

– Это я посоветовал, – сказал Робин.

– Трелль, ты в своём уме? – ещё громче завопил Лумпердинк.

– А что такое? Там почти никто не шарится, кроме Пипа, а Пип яиц не ест. Он больше по картошечке, – спокойно ответил Робин, высовываясь из кладовки с молотком в руках. – Я положил их в волшебную грелку для чайника и поставил минимальный подогрев...

– Где у вас тут кухня? – отодвигая с дороги шефа, зашипела полузмея.

– Леди Айша! Не туда! Второй этаж! – засуетился Лумпердинк, показал Робину кулак и понёсся вверх по лестнице.

Нагайна беспомощно уцепилась за перила руками. Нижняя часть её тела взволнованно выписывала восьмёрки, но подняться не могла.

– А я говорил, что кухню лучше делать на первом, – проворчал из кучи хлама Пип. – И бегать далеко не надо... и ползти!

Из кухни со второго этажа донёсся вопль шефа, полный то ли отчаяния, то ли ужаса.

– Ты сварил яйца, Робин, – шёпотом сказала Флавия, глядя на всё это огромными глазами, в которых плясали солнечные блики.

– Ни в коем случае, – сказал Робин. – Думаю, у неё вылупились маленькие наги.

Лумпердинк, приплясывая на каждом шагу, уже бежал вниз по лестнице. В руках у него была корзинка с новорожденными нагами – они молчали только потому, что усердно смаковали ещё беззубыми ротиками пальцы одной из шефских рук. Маленькие наги до пояса походили на младенцев, хотя лица у них были не совсем человеческие, а с плеч и голов ещё не сошла плёнка. Глаза их были желтоватые с вертикальными зрачками. Маленькие хвостики с погремушками казались нежными и вызвали непередаваемый восторг. Хотелось пищать «ути-пути» и щекотать малышей.

– Ужас какая прелесть, – опять прошептала Флавия с умилением, свойственным многим женщинам при виде детишек. – Они на вас похожи, шеф Лумпердинк.

– Да, – сказала леди Айша, – потому что это его детки. Я снесла яйца вчера вечером, а ночью они пропали.

– Их подкинули сюда, – сказала Флавия. – Нашла их утром на крыльце, были ещё тёплые.

– Но это не могут быть мои детки! – занервничал шеф и тут же зашептал Флавии на ухо. – Спасите меня! Сейчас ведь жена придёт, она всегда перед распродажей смотрит вещи... Спасите, Флавия, Пип, Робин! Спасите и просите что хотите, или я вас уволю!

Флавия неловко поёжилась. Лумпердинк не особо нравился ей, но и увольняться не хотелось.

– Стоп, – сказал Пип, раскинув руки в сторону и слегка опустив голову. – Стоп-стоп-стоп. Налицо мошенничество в особенно мерзких размерах. Примерно с драконью лепёшку. Это так не делается. Робин! Мне нужен справочный материал о смешанных браках между людьми и нагами.

– О, в этом я мастер, – обрадовался Трелль. – Смешанные браки между яйцекладущими и млекопитающими возможны лишь в юридическом смысле. То есть они бесплодны. Исключение составляют браки с драконоподобными в том случае, если дитя зачато с живородящим драконом, имеющим человеческую морфу.

– Мор... чо? – не слишком красиво высказался шеф.

– Это не ваши детки, – пояснила Флавия. – Хотя глазки чем-то похожи, кроме зрачков, конечно. И носики такие аккуратные...

– Это только видимость, – сказал Пип. – А ваша леди Айша – мошенница. Жулица и лжица! Или как там правильно это называется?!

– Я вам не жужелица, – обиделась нагайна. – И я пришла за своим Юлиусом, он должен обеспечить моё потомство!

– Если не верите биологии, то хотите, я принесу артефакт крови? Проверим ваших малюточек на родство, – спросил Робин. – У нас как раз недавняя находка очень интересная, отлично справится с такой задачей.

– Не хочу, – буркнула Айша, хватая корзинку с малышами и прижимая к пиджачной груди.

– Ну и чтобы добить, – сказал полуросток, – я живу здесь, снимаю комнату прямо над бюро! И этой ночью видел, как вы подбрасываете коробку прямо в ящик для находок, который мы выставляем ночью. Мать года! А если бы яйца оттуда кто-нибудь забрал и сожрал?!

Об этом Айша то ли не подумала, то ли ещё что, но лицо её вытянулось, а глаза стали испуганные и злые.

– Но каков нахал! – сердито сказала она. – Это я про вашего любезного шефа, которого вы так защищаете. Каков подлец!

– Да я ничего такого даже не делал! В кои-то веки я чист, как младенец! – вскричал шеф, явно оскорблённый такими поползновениями.

– Да? А кто стимулировал мой яйцеклад? – огрызнулась нагайна.

Лумпердинк побледнел, а потом медленно покраснел до кончиков заострённых ушей.

– Я только поправил ваш золотой чехол и спёр пару чешуек, а не то, что вы подумали, – выдавил он с трудом. – Чешуйки могу вернуть.

– Оставь себе, крохобор, – прошипела леди Айша.

И удалилась вместе с малышами в корзинке.

– Хорошая была корзиночка, – вздохнул Пип.

– Фффух, – Юлиус огляделся, дошёл до ближайшей стенки и медленно по ней сполз. – Я уж распрощался со своей грешной жизнью.

– А нечего было... стимулировать чужой яйцеклад, – сказала сверху ведьма Бу, которая, оказывается, за всем этим переполохом следила с большим интересом. – Вечно вы такие, мужчины. Одну стимулируете, на другой женитесь, третьей под юбку лезете, а четвёртой подмигиваете. У пятой от вас тем временем живот.

Фея помрачнела, вспомнив о кое-чьей свадьбе.

– Не все такие, – заспорил Пип. – Не все! Робин вот не такой!

– Что бы вы делали, если б она продолжила настаивать на отцовстве? – не унималась ведьма. – Артефакта у вас такого нет, о каком вы рассказывали. Я-то уж знаю.

– Вы только сегодня утром пришли, откуда вам знать? – удивилась Флавия.

– Деточка, – прокряхтела Бу, – побудешь с моё ведьмой, научишься чують всякую пакость. А магия крови, как и магия духа – это и есть пакость, даже без проклятий. Хочешь, научу?

И гаденько так хихикнула.

– Ей нельзя учиться ведьминской магии, – сказал Робин.

– Почему? Она и так на грани. Из феечек вроде неё получаются отличные ведьмы, с чёрным плащом вместо крыльев, с третьим глазом и, главное, с желанием делать всем гадости! – сказала Бу.

И, не забыв сплюнуть вниз, удалилась в кабинет для работы с проклятиями. Дверь тяжело стукнула за её спиной.

Флавия всхлипнула.

– Бу права, – сказала она. – Я темнею.

– О Флавия, – пылко сказал Лумпердинк. – Не расстраивайтесь так! Из вас получится самая прелестная в мире ведьмочка!

Это было уже чересчур. Фея почувствовала, что сейчас умрёт, если не разрыдается. Выбежала в кухню, прислонилась к двери спиной, чтобы никто не вздумал беспокоить, и разревелась, как девочка.

Робин влез через окно. В одной руке у него оказался большой носовой платок, аккуратно сложенный и даже, кажется, отутюженный на славу. В другой мужчина держал большой картонный стаканчик кофе с нарисованным цветочком. Это означало, что молоко там цветочное, а не обычное.

– Я только... вот, – деликатно кашлянув, сказал он и вручил фее платок и кофе.

– Прошу, уйди, – прорыдала Флавия ещё горше.

Она боялась проклясть его, и тогда всё будет очень, очень плохо.

Неизвестно, что подумал Робин. Он ничего не сказал, только поставил кофе на стол и выскочил в окно. Вспомнив, что кухня на втором этаже, фея с беспокойством выглянула туда, но Робин плавно спускался по верёвочной лестнице. Заметив, что Флавия смотрит на него, он махнул рукой, и она машинально повторила жест. Но тут на подоконник сел голубь. Хоть это и была самая обычная птица без всяких там посланий, Флавия всё равно снова расплакалась. Как она ни крепилась все эти дни, а было больно и обидно.

ГЛАВА 8. Робин и всякий хлам

На следующее утро шеф Лумпердинк примчался первым. Пип едва успел спуститься из своей квартирки и открыть бюро, а Робин так и вовсе только-только подошёл к двери, а Юлиус уже вертелся посреди зала, расставляя не разошедшиеся по рукам находки из тех, насчёт которых никто не беспокоился. И с которых были уже сняты проклятия, конечно же.

– Все ли готовы к распродаже? – спрашивал шеф то и дело. – Где Флавия? Флавию никто не видел?

– Её цветочек тут, – откликнулась ведьма Бу. – Так что никуда ваше сокровище не денется, притащится. Просто у неё сложный период в жизни.

Странно, но она сказала это не злобно. А вот на Робина посмотрела очень свирепо – он даже поёжился.

– Вы же не хотите меня проклясть, Бу? – спросил он.

– Надо будет – проклянущу, – рявкнула старая карга. – Не люблю слабаков!

– Не надо его проклинать! – тут же вступился за Трелля шеф. – Кто нам тут всё чинить будет? Вы лучше побудьте пока за Флавию, или я за себя не отвечаю.

– Шеф! А вчера вы нам сказали «просите, что хотите», – напомнил Пип. – Давайте мы откроем ещё и сыскное бюро? Один сотрудник у вас уже есть. Я первым делом найду Флавию!

– И премию можно, – высказалась Бу.

– Не сейчас! – выкрутился Юлиус. – Позже, после распродажи поговорим.

Бу, которая встала за стойку администратора вместо феи, своим видом наводила на самые противоречивые мысли. Во-первых, её чёрно-фиолетовое одеяние никак не гармонировало с ясным весенним утром. Во-вторых, ей было лет восемьдесят, если не больше, и её декольте открывало вид на печёные яблочки вместо свежих персиков. А лицо? Нет, Робин вовсе не был против существования пожилых дам самих по себе... Если только у тех не торчат изо рта страшные зубы, на крючковатом носу не растут бородавки, и если клочкастые брови не скрывают маленьких злобных глазок почти полностью. Да и это бы ничего, если б ведьма не была такой грубой, злой и крикливой!

– Пип! Вот эту коробку взял и поволок! Адрес я наклеила! – заорала она, хотя в зале ещё почти не было посетителей.

– Я бы и так прекрасно слышал, – ворчливо сказал полуросток. – Деньги на проезд будут?

– Ты, Липкая лапа – потомок жуликов, неужели два квартала без денег не проедешь? – спросила ведьма.

– Вот если бы у нас был свой транспорт, – проворчал Пип, – я бы успевал куда больше. Мне бы маленький грузовой магоцикл, и я был бы счастлив.

– Если бы да кабы, – проворчала Бу. – Давай-давай! Одна лапа здесь, другая там!

– Но это район Золотой Роши! – взвился Пип, но тут же осёкся и посмотрел на Робина.

А Робин посмотрел на полуростка. Сегодня механическая птичка прилетела без ответа. Хуже того – с нераспечатанным письмом.

– Я сам съезжу, – сказал Робин и взялся за коробку.

Но тут понабежали гномы, принялись всё хватать и про всё спрашивать, а шеф в очередной раз куда-то делся. И Пип сказал:

– Тебе лучше побыть тут. Если она, – тут полуросток сделал большие глаза, – плачет из-за мужчины, то мне, как ни крути, будет проще с нею поговорить.

– С чего это ты так решил? – ревниво спросил Трелль.

– С того, что меня за мужчину принимают только те, кто ниже меня, – нехотя признался Пип. – К тому же... по меркам полуростков я ещё не достиг брачного возраста.

– То-то ты так неровно дышишь практически ко всем женщинам, – не поверил Робин.

– Дышать законом не запрещено, – отбил подачу Пип. – А ты лучше пошли ей свою птицу ещё раз, только чуть попозже.

– Я лучше поеду, – сердито сказал Робин.

– Коротышка дело говорит, – сказала ведьма. – С тобой ваша феечка откровенничать не станет. Если хочешь добиться успеха, послушай своего друга.

И Пип, посмотрев на адрес, отправился в Золотую рошу.

Робин остался один за всех, потому что ведьма только отвечала на звонки по дальнотону и принимала деньги. А встречать покупателей, пришедших по развешанным вчера объявлениям, показывать товар, упаковывать его досталось на долю Робина. Шеф появлялся и исчезал только затем, чтобы посмотреть, как продвигается дело.

– Я вернулся, – объявил полуросток в разгар большой распродажи, когда в лавочке было уже не повернуться от посетителей. – И между прочим, вернулся не один, если это кого-нибудь интересует.

– Ооо, Флавия! Если что, я не сержусь, что вы опоздали, – восхитился шеф, появляясь как будто бы ниоткуда. – Сменили имидж? Прелестно! Можете сменить Бу за стойкой, пожалуйста, моя вы прелесть?

Робин чуть не схватился за голову. Похоже, Флавия решила не просто сменить имидж, а стать ведьмой.

– Я уже сказал, – напыжился Пип, – чёрный и фиолетовый – не твои оттенки, а волосы лучше бы покрасила в рыжий, чем в чёрный.

– Вам тоже не нравится, Робин? – спросила Флавия, проходя мимо Трелля к своему рабочему месту.

– Почему не нравится? Просто... Это очень неожиданное решение, – пробормотал Робин. – Главное, чтобы это вам не вредило, Флавия.

– Не нравится, – сказала фея с хищной улыбкой. – Что у вас там?

Он раскрыл ладонь, и на ней появилась механическая птичка.

– Теперь уже неважно, – сказал Робин, отвязывая от её лапки письмо.

– Дайте, – приказала Флавия.

Голос у неё тоже был новый, как цвет волос, густо нанесённый макияж и тёмная одежда. Высокий, чуть звенящий, лишённый тепла. И такие неприятные, колючие нотки...

– Это неактуально, – Робин попытался порвать записочку, но Флавия ловко её выхватила, оторвался только самый уголок.

– Эй, уважаемый, – отвлекли Трелля покупатели в этот не слишком подходящий момент. – Просим упаковать вот эти артефакты...

– С вас десять хнатов, – огласила стоимость покупки Бу.

Шеф счастливо хихикнул. Больше, чем женщин, он любил только деньги.

Только вечером поток покупателей иссяк. Пип и Робин уселись прямо на крыльце – Флавия протёрла его мокрой тряпкой, а Бу встряхнула коврик и застелила им ступеньки.

– Ты мне должен, – заявил полурослик, рассеянно глядя на снующие мимо магомобили, на прохожих всех мастей, на хорошеньких девушек в лёгких пальто или светлых плащиках.

– С чего? – спросил Робин.

– Ты мне должен. Я коплю на открытие своего бюро. Сыскного. С тебя за сегодняшний день четыре хната.

– Издеваешься? У меня их всего пять.

– За проверенную информацию из первых уст, раздобытую профессиональным сыщиком – это совсем немного, не жмись, – полуросток толкнул Робина острым локтем. – Ну хорошо, три. И утром кофе.

– Только не в постель, – проворчал Трелль. – Вот, держи. Выкладывай, что ты там нарыл?

– Я был в Золотой Роще. Меня такая красotka вызвала – закачаешься! Беленькая, тоненькая, и выше меня всего на голову, – Пип мечтательно улыбнулся. – Но это я отвлёкся. Приношу я ей, значит, коробку, а она встречает меня с объятиями и давай тараторить: «Ах, это вы, ах, я себе вас не совсем так представляла!» Пока я её успокоил – минуты две прошло...

Взгляд полуростка почему-то стал косить.

– У тебя глаза блестят, будто ты маслом их смазал, – усмехнулся Робин.

– Ну... Она, в общем, думала, что я тот самый, кто Флавии письма по утрам пишет, хотя я-то знаю, что это ты. И знаешь, что она мне рассказала?

– Не томи, – сказал Робин.

– Есть такой в их лесу – Остин Торт. Он был с Флавией пару-тройку лет. Был, понимаешь? И бросил он её довольно грязно: уволил, а потом прислал приглашение на свою свадьбу.

– Она тебе всё это рассказала? – Робин в уме попытался прикинуть, сколько времени отсутствовал Пип.

Выходило довольно много: часа два. Но за вычетом времени на дорогу... да ещё если прибавить время на уговоры Флавии – а Пип и эта дриада, они же её наверняка уговаривали... Получалось, что полуросток потратил на выяснение всех обстоятельств не больше часа, а скорее даже – минут сорок. Может, он и правда подающий надежды детектив!

– Она рассказала не сразу и не всё, но я о многом догадался сам. Надо было только сопоставить кое-какие факты, обмолвки и недоговоренные фразы, чтобы получить полную картину, – важно сказал Пип. – Ты слушай, слушай дальше! Беркана сказала, что Флавия решила не просто найти работу, а заставить Остина пожалеть о том, что он её бросил и уволил. Решила засиять так, что глазам больно будет. Но всё ещё, видимо, глубоко переживает из-за Торга – ну ты понимаешь, девушкам только дай попереживать насчёт каких-нибудь тортов или фруктов, смотря кто под них клинья подбивал.

– Да ты у нас прямо-таки знаток... фруктов, тортов и девушек, как я посмотрю, – вставил Робин. – Сиять она начала... хоть глазам больно и не было. Начала и перестала.

«Больно не было. А мои глаза так и вовсе смотрели бы и смотрели!» – добавил он про себя, вспоминая детали: радужные блики на крылышках, волосы, словно тронутые ласковыми солнечными лучами... и внезапно приоткрывшаяся в разрезе мокрого платья беззащитная спина. Это он увидел тогда, в первый день, когда Флавия появилась в бюро.

– Слышишь меня, эй? Я, между прочим, честно отрабатываю свои хнаты и хочу, чтобы вся информация достигла твоих ушей! Робин! – Пип подтолкнул Трелля, и тот очнулся от грёз.

– Я слушаю, – сказал он.

– Вчера у этого мерзкого кондитерского изделия была свадьба. Конечно, Флавия расстроилась! А потом ещё Бу наговорила гадостей, – сказал полуросток.

– А я, дурак, сбежал от женских слёз, – покаянно вздохнул Робин. – Надо было как-то её утешить, а не совать ей кофе.

– Что ты дурак, это и без кофе ясно, – раздался скрипучий голос позади.

Оба собеседника так и подскочили.

– Я ещё вчера сказала. Она становится ведьмой. Хуже нет для феи, чем это. Но пока крылья не отвалились – всё ещё можно вернуть.

– Бу! Нехорошо подслушивать! – упрекнул Пип – впрочем, весьма осторожно, потому что ведьм лучше не злить, тем более старых и опытных.

– У вас тоже были крылья, да? – спросил Робин.

– У меня? Ещё чего! У меня были молодость, горячее сердце и какая-никакая, а симпатичная голова на плечах, – ведьма села рядом на ступеньку, подвинув Пипа. – Слушайте оба. Если до неё доберётся этот престарелый обожатель ведьм Юлиус – пиши пропало для вашей феечки.

– Почему престарелый? – удивился Робин.

– Потому что у меня был с ним роман ещё сорок лет назад, вот почему, – буркнула Бу. – Ни о чём не жалею, но я ничего и не потеряла. Я всё-таки прирождённая ведьма. А вот для таких, как Флавия, всё иначе. Я тебе говорю, Робин. Выкинь из головы хлам, спасай фею. Пока не отвалились крылья, она ещё может засиять снова. Потом будет поздно.

ГЛАВА 9. Флавия в кризисе

Она даже не знала, зачем вообще пришла сегодня на работу. Может быть, просто для того, чтобы было какое-то подобие смысла в её серой унылой жизни. В Бюро тоже было как-то грустно, серо, как будто всё присыпали слоем пыли. Посетителей не видать, только полуросток и ведьма Бу вяло переругивались от скуки.

– Иди отвези вчерашние покупки в дом Фунта Крыжовника, слышишь? И не вздумай шутить в стиле «почём фунт крыжовника»! Это самый богатый недоросток в городе, не то что некоторые.

– Вообще-то я занят важным расследованием! И не недоросток, а полуросток, – поправил Пип.

– Молчи, недоросток, – фыркнула Бу.

– Полуросток!

– Ага, шас! В тебе сто тридцать минимеров, если бы полу-, то целый был бы двести шестьдесят, а таких высоких людей не бывает. Если б вы были в половину тролльего роста, были бы, например, недотролли.

– Тогда уж полутролли, – в голосе полуростка послышалась неуверенность. – Хотя нет, это другое!

– Конечно, другое! Полутроллем еще надо ухитриться родиться, так-то. А вы недоростки! Так-то что среди вас, коротышек, и по полтора мера ребята встречаются. Так что не полу-, а чуть повыше. А раз повыше, но до целого человека недотягиваете, то недоростки. Ну, или если хочешь – недомерки.

– Можно подумать, – обиделся Пип. – Сидит тут такая бабка старая, рассуждает.

– Я тебе не бабка, а нормальная ведьма средних, между прочим, лет, – ответила Бу.

– Если кто-то выглядит, как бабка, и ворчит, как бабка, и даже сидит вяжет, как бабка, то это бабка и есть, – буркнул Пип. – Правда, Нельтон? Дай пятёру!

Флавия вспомнила, что не поливала и не кормила цветок-химеру. Подошла к подоконнику, где стоял Нельтон, посмотрела, как Пип любезничает с её питомцем.

– Отойди, – хмуро сказала полуростку. – Дай мне полить его.

Но Нельтон внезапно огрызнулся на фею, а от железной лейки откусил носик.

– Ты чего? – удивилась и испугалась Флавия.

Ведь это ужасно обидно, если твой питомец лязгает на тебя зубами.

– Он теперь тебя не признаёт. Ты ведьмой пахнешь, – сказала Бу. – Иди за стойку, я тебя вечно заменять не собираюсь.

И, забрав корзинку с вязанием, пошла наверх, в свой «кабинет для проклятий». Флавия буркнула «ну и всё равно!» – хотя с нею никто уже и не спорил. Пип взял заказ и повёз по адресу, Бу ворчала где-то наверху. Робин не появлялся.

– О, Флавия, – зато явился шеф Лумпердинк. – Как же вы сегодня прелестны!

Сегодня он был в изысканном шелковистом костюме золотого цвета. Сливочно-белый шейный платок в мельчайшую золотистую искорку украшал тонкую шефскую шею. Локоны были уложены и закреплены лаком с блёстками. И если в прошлые разы Флавии только казалось, что Юлиус подкрашивает глаза, то сегодня она точно это поняла. Ресницы сверкали, а коричневые тени подчёркивали томный взор.

Надо сказать, что это золотое сверкание резко контрастировало с чёрно-фиолетовым одеянием Флавии. И с её потемневшими волосами и крыльями. Не говоря уже о грубоватом макияже, ведь Флавия теперь не стеснялась как следует, пожирнее, накрасить глаза, а губы мазала фиолетовой помадой.

– Я сражён вашим безупречным новым имиджем, милая Флавия, – проворковал Юлиус. – Не согласитесь ли вы сегодня составить мне компанию за обедом?

– Да мне как-то всё равно, – безразлично бросила фея. – На сегодня распоряжения будут?

– Если бы я мог распоряжаться вами, вашим телом и душой, – страстно приблизился к ней полуэльф и сотворил из воздуха прекрасную чёрную лилию, – то непременно одел бы вас в тончайшее кружево и уложил бы на шелка, чтобы ублажить до изнеможения.

Это было сказано таким тоном, словно Лумпердинк уже был в экстазе. Но Флавия невесело рассмеялась.

– К счастью, вы не распоряжаетесь, – сказала она. – Дайте задание на день и проваливайте, шеф. Только скажите, куда свалили: вдруг опять будут спрашивать.

– Флавия, ну зачем вы так? Давайте лучше обнимемся, а то как-то даже неловко... К тому же отчитываться перед вами я не обязан.

– Да? Я тут администратор, а вы тут исчезающий полуэльф. Откуда я знаю, куда вы исчезаете?

Тут Лумпердинк сделал движение, как будто хотел уйти. И оно не осталось незамеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.